

А-Да сказал, что сегодня вечером они просто отдохнут, а решение о нападении или обороне он примет позже, когда всё обдумает.

Ворон проводил его до двери, и А-Да вышел, прошёл пару шагов, затем обернулся и, глядя на Ворона, вдруг спросил:

— Тебе нравится этот парень, да?

Ворон вздрогнул, его взгляд замер.

— Ты не хочешь, чтобы он умер? — снова спросил А-Да.

Ворон сглотнул, его кадык заметно поднялся и опустился.

Они стояли так некоторое время, затем А-Да похлопал его по плечу и, видя, что тот не отвечает, больше не стал настаивать. Подняв изогнутую саблю, стоявшую у двери, он направился к своей хижине.

Когда брат Цун увидел А-Да, тот, казалось, не хотел с ним разговаривать.

По чёрному и удлинённому лицу А-Да брат Цун мог догадаться, что произошло. Хотя это было трудно принять, он знал, что такие эмоции нельзя подделать.

Война для таких людей, как брат Цун, была чем-то далёким. Или, точнее, раньше была далёкой. Когда он не ходил в школу, война была лишь сенсацией в газетах. Когда он пошёл в школу, она стала лозунгом в устах учителей и одноклассников. А когда он окончил школу и немного приблизился к обществу, война обрела множество ярлыков, делающих её то героической, то жестокой, то справедливой, то злой.

Она была отделена от мест, не затронутых войной, тонкой завесой, сотканной из пропаганды и правительственных указаний. Поэтому брат Цун, не зная страха, был как молодой бычок, не боявшийся тигра, и у него было столько энергии, что хватило бы на все авантюры, которые он мог придумать. Именно поэтому он решительно выбрал путь, чтобы узнать правду.

Брат Цун вспомнил книгу по истории основания государства Ши, которую он когда-то читал в школьной библиотеке. Это была небольшая брошюра, составленная ещё при старом правительстве. Она была покрыта пылью и засунута в самый угол библиотеки.

Брат Цун нашёл её, потому что, когда он искал свободный стол, солнечный свет случайно упал на тот ряд полок. Самый последний ряд, самая нижняя полка.

В ней была описана далёкая деревня и подвиги нескольких героев, вышедших из неё.

Тогда записи были очень простыми, а иллюстрации были нарисованы кем-то на скорую руку.

Брат Цун уже не помнил содержание книги, но слова одного из героев запомнились ему навсегда: «Я не знаю, на каком этапе находится война, но я чувствую, что могу продержаться ещё немного».

Выражение лица А-Да было сдержанным, и он не выплеснул свой гнев на брата Цуна, как говорил А-Янь. А-Да был очень терпеливым и спокойным человеком, и с того дня, когда он без колебаний схватился за лезвие, брат Цун это понял.

Но почему-то он вспомнил именно эти слова.

Он чувствовал, что судьба Кушань очень похожа на судьбу той деревни, но, к сожалению, он не перечитал книгу. Смутно он помнил, что в конце жители деревни были почти полностью уничтожены, а затем территория была перестроена после войны.

Брат Цун потратил целый день на чтение этой книги, но когда он захотел прочитать её снова, то не смог найти. Спросив библиотекаря, он узнал, что на следующий год книга была запрещена, и при уборке библиотеки её сдали на уничтожение.

Брат Цун чувствовал, что с Кушань произойдёт то же самое. Все кровавые события, происходящие сейчас, не будут запечатлены, и даже если кто-то напишет о них, запишет, рано или поздно это будет стёрто.

И впоследствии люди увидят только перестроенное место, а не историю, по которой они ходят. Ведь будущие поколения просто поставят это в самый дальний угол и забудут, разве что кто-то случайно найдёт и пролистает.

Но, к сожалению, брат Цун живёт в настоящем. Поэтому он может лично пережить эту историю и понять, что это не просто несколько строк и набросков, а кровь и ненависть, которые невозможно описать словами.

— Сколько людей погибло? — спросил брат Цун, и его голос словно застрял в горле.

А-Да в этот момент снимал одежду, услышав вопрос, он на мгновение замер, но не ответил.

— Это... это солдаты убили? — брат Цун сделал несколько шагов вперёд, хотел дотронуться до А-Да, но, прежде чем его рука приблизилась, А-Да встряхнул одежду и бросил её на стол.

Неизвестно, случайно или намеренно, он отвернулся и направился к кровати.

Он просто лёг, накрывшись своим одеялом.

Брат Цун немного помедлил, затем молча последовал за ним. Из-за волнения он даже не чувствовал голода. Он не ел целый день, но сейчас ему совсем не хотелось есть.

Он не знал, спит А-Да или нет. В комнате погас свет, и А-Да лежал к нему спиной. Сегодняшняя луна была неяркой, и в комнате было мрачно, как никогда холодно.

Спустя некоторое время брат Цун повернулся на бок. На этот раз он набрался смелости, высунул руку из-под одеяла и осторожно коснулся руки А-Да.

Он сказал:

— Прости, я не знал, что всё так обернётся.

А-Да не ответил, и брат Цун подумал, что он не услышал, но прежде чем он убрал руку, А-Да глубоко вздохнул.

— Да, ты не знал, — сказал А-Да. — Вы, люди, как можете знать.

Брат Цун не понял, что он имел в виду, но, подумав, спросил:

— С сестрой всё в порядке?

А-Да кивнул, а затем неожиданно сменил тему:

— Завтра ты пойдёшь к бабушке Сань и сделаешь татуировку, такую же, как у меня. А потом пойдёшь со мной к сестре, чтобы преподнести ей вино и поклониться.

Брат Цун удивился:

— Какая татуировка? Саламандра?

— Да, ты мой названный младший брат, ты должен показать себя. Моего зятя убили ваши люди, и если ты не сделаешь что-то, чтобы успокоить мою сестру, она тебя не простит.

Внутри брат Цун сопротивлялся. Если бы татуировка была меньше, это ещё куда ни шло, но она покрывала всю руку, спускалась на кисть и даже на пальцы.

Брат Цун не боялся боли, но если бы он вернулся домой с такой татуировкой, он бы никогда не смог продолжить нормальную жизнь.

В его родных краях никто не делал таких больших татуировок, и большинство считало, что они были признаком бывших заключённых или преступников.

— Может... можно сделать её в другом месте? — осторожно спросил брат Цун.

А-Да повернулся к нему, некоторое время лёжа на спине, затем посмотрел на него.

— Что я сказал, то и делай.

— Но если я сделаю это, я... я...

— Я могу в любой момент разорвать наши отношения, — холодно сказал А-Да. — Если ты не позволишь мне сделать это, я пока что могу терпеть. Но если между нами не будет этой связи, я могу позволить всей деревне и скоту расправиться с тобой. Выбирай сам.

Сердце брата Цуна похолодело, и он молча стиснул зубы.

На лице А-Да действительно было трудно разглядеть эмоции. Если секунду назад брат Цун чувствовал вину за преступления, совершённые его людьми против жителей Кушань, то теперь он боялся только угроз А-Да.

Он действительно не понимал людей Кушань и не знал, что А-Да думает о нём. Он думал, что если кто-то хочет сделать что-то подобное, то это должно быть из-за симпатии. Поэтому, раз А-Да взял его к себе, он должен был испытывать к нему хоть какой-то интерес.

Но, похоже, это было не так.

Или, точнее, А-Да мог в любой момент контролировать этот интерес.

На следующее утро, одевшись, А-Да снял с него цепи. Немного позавтракав, он отвел его к бабушке Сань. Перед уходом А-Да не забыл предупредить двух её сыновей, чтобы они присмотрели за братом Цуном, а сам вернётся вечером и не позволит ему уйти ни на шаг.

Бабушка Сань была женщиной с татуировками на лице, а у её сыновей тоже были различные узоры на теле. Там были саламандры, жабы и какие-то странные символы, неизвестно, были ли это буквы или тотемы.

Левая рука брата Цуна была однажды окрашена кровью, а затем трижды покрыта краской.

Узор вбивали иглой, игла прожигала кожу.

Каждый укол вызывал мурашки по коже.

На самом деле уколы не были очень болезненными, особенно после того, как брат Цун выпил крепкий напиток с лекарственным запахом, притупивший его чувствительность.

Но действие напитка было медленным, и в самые болезненные моменты он был в полном сознании, поэтому он чётко осознавал, когда игла входила в кожу и когда это происходило снова.

<http://bllate.org/book/16300/1470200>